

11. Буйнов Ю. В. Исследования в Харьковской области//АО 1983 г. — М.: Наука, 1985.
12. Теренозкин А. И. Киммерийцы. — К.: Наук. думка, 1976.
13. Буйнов Ю. В., Кузьменко А. С. Опыт периодизации памятников бондарихинской культуры методами многомерного статистического анализа//Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. — К.: Наук. думка, 1989.
14. Буйнов Ю. В. Хронология и периодизация бондарихинской культуры//Проблемы хронологии культур энеолита и бронзового века Украины и юга Восточной Европы. — Дніпропетровськ, 1994.
15. Ромашко В. А. «Чернолесская» столовая посуда культур позднего бронзового века Левобережной Украины//Проблеми археології Подніпров'я. — Дніпропетровськ, 1998.
16. Гершкович Я. П. Білогрудівсько-чорноліський компонент у пам'ятках бронзового віку Східної України//Доба бронзи Доно-Донецького регіону (матеріали 4-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). — Воронеж, 1998.
17. Гершкович Я. П. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье—Северо-Восточное Приазовье)//Археологический альманах. — Донецк, 1998.
18. Ковпаненко Г. Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. — К.: Наук. думка, 1967.
19. Шрамко Б. А. Походження племен раннього залізного віку на території Лісостепового Лівобережжя України//Питання з історії народів СРСР. — Харків, — 1972. — Вип. 14.
20. Буйнов Ю. В. Памятники предскифского периода на территории Днепровского Лесостепного Левобережья//Тезисы докладов и сообщений первой Сумской научной историко-краеведческой конференции. — Сумы, 1990.
21. Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени (севеверскодонецкий вариант). — К.: ИА НАНУ, 2000.

Резюме

Буйнов Ю. В. Поселение бондарихинской культуры у с. Червоный Шлях на Харьковщине.

Целью данной статьи является введение в научный оборот материалов бондарихинской культуры, происходящих из раскопанного автором сезонного поселения у с. Червоный Шлях Харьковской области. Находки из двух разновременных наземных жилищ, хозяйственной ямы и культурного слоя позволяют датировать этот памятник XI—началом VIII в. до н. э. Конечная дата существования исследованного поселения, равно как и всей бондарихинской культуры, совпадает с финалом развития позднечернолесской культуры в Днепровском Правобережье.

Summary

Буинов Ю. В. *The Settlement of Bondarikhinska Culture Near the Village of Chervoniy Shlyakh the Kharkiv Region.*

The purpose of this article is to introduce into the historical science the things and materials of Bondarikhinska culture from the seasonal settlement excavated by the author near the village of Chervoniy Shlyakh, the Kharkiv region. The findings from two ground buildings of different periods, from the waste hole and from the cultural bed allow to date this settlement from the 11th to the beginning of the 8th centuries BC. The final date of the existence of the excavated settlement, as well as the ending of Bondarikhinska culture contemporize with the ending of the late Tchernoleskaya culture in the Dnipro Right Riverside.

С. Д. Литовченко

РИМ И ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ в конце 50–40-х гг. I в. до н. э.

Отношения между Римом и Великой Арменией оказывали значительное влияние на международное положение в Азии в течение I в. до н. э. Однако далеко не все эпизоды римско-армянских отношений I в. до н. э. подробно рассматривались исследователями. Это касается, в первую очередь, взаимоотношений между двумя государствами в середине I в. до н. э. Реконструкция международных отношений на Востоке требует, на наш взгляд, специального анализа отношений между Римом и Великой Арменией в конце 50–40-х гг. I в. до н. э.

После заключения мирного договора между Великой Арменией и Римом в 66 г. до н. э. римско-армянский союз стал одной из важнейших составляющих международных отношений на Востоке. Однако разгром римской армии при Каррах в 53 г. до н. э. заставил Артавазда II не только признать превосходство парфянского царя Орода II, но и выйти из дружественного союза с римлянами. Из-за продолжения войны Рима с Парфией армянский царь должен был выступить против своего бывшего союзника. Помощь «царю царей» военными силами была одной из важнейших обязанностей зависимых от парфян правителей [1, с. 18], и армяне не могли избежать участия в военных операциях парфян. В то же время занятая Артаваздом II позиция не была, на наш взгляд, однозначно пропарфянской, как это представляется в существующей литературе [2, р. 72; 2, с. 84; 4, с. 54–60; 5, с. 393, прим. 11; 6, с. 52; 7, с. 114; 8, р. 78].

Наиболее полные сведения о событиях конца 50-х гг. на римском Востоке содержатся в письмах Марка Туллия Цицерона, посвященных его наместничеству в провинции Киликия в 51–50 гг. до н. э. Кроме того, письма Цицерона — единственный источник, в котором характеризуются

действия Артавазда II в контексте римско-парфянского противостояния в 51–50-х гг. до н. э. В трудах других античных авторов упоминания об армянском царе отсутствуют. Цицерон подробно и эмоционально описывает сложившуюся ситуацию, часто ссылаясь на собственные предположения и опасения. Кроме того, особенности источника позволяют подробно проследить в хронологическом порядке изменение ситуации в Азии в течение длительного периода. Следовательно, анализ писем Марка Туллия Цицерона дает возможность не только выяснить реальность вторжения армянских войск в Каппадокию, но и показать отношение представителя римской администрации к Армении.

По прибытии в Азию в 51 г. до н. э. [9, с. 240] Цицерон обнаружил, что римским провинциям угрожает вторжение парфян (Cic., Fam., XV, 1, 1; XV, 4, 3). Не меньшую опасность видел Цицерон в действиях Артавазда II Армянского, который должен был, по слухам, вторгнуться в Каппадокию (Cic., Fam., XV, 3, 1). Угроза наступления была так велика, что Цицерон был вынужден двинуться с войском через Каппадокию, чтобы упредить действия армян (Cic., Fam., XV, 2, 2; XV, 4, 4). Однако ни в 51, ни в 50 гг. до н. э. войска Артавазда II Евфрат не переходили. Очевидно, армянский царь сумел избежать прямого участия в операциях парфян под командованием Пакора [2, р. 72].

Необходимо уточнить, что оборонительные мероприятия, проведенные Цицероном, были явно недостаточны для предотвращения наступления с востока. Заняв пограничную территорию между Киликией и Каппадокией, Цицерон не имел необходимых сил для отражения двойного армяно-парфянского удара. Сам римский проконсул критически оценивал и состояние римских войск (Cic., Fam., XV, 1, 4, 5; Cic., Att., V, 18, 1), и их численность. А. Г. Бокщанин определяет численность войск Цицерона в 27, 5 тысяч [1, с. 65]. Сходную цифру дает и М. Г. Абрамзон 27 тыс. [10, с. 306]. Римские союзники, кроме царя Дейотара, были или ненадежны [11, р. 34], или деморализованы (Cic. Att., V, 20, 3; Fam., XV, 1, 3, 6). Боеспособность отрядов самого Дейотара, единственного значительного союзника римлян (Cic., Fam., XV, 1, 6; 2, 2), оказалась невысокой, так как они не смогли противостоять армии Фарнака II несколько позднее (Caes., Bell. Alex., 40). В то же время только армяне смогли направить в помощь Марку Антонию в 36 г. до н. э. более двадцати тысяч солдат [12, с. 127; 13, S. 83–84]. Таким образом, отказ Артавазда II от вторжения в Каппадокию не мог быть вызван опасениями встретить достойный отпор римлян. На наш взгляд, намерение Артавазда II напасть на римлян было только одним из слухов, которыми обрастала парфянская угроза после битвы при Каррах.

Сообщения Цицерона о действиях Артавазда II, содержащиеся в письмах, свидетельствуют о том, что и он был не уверен в реальности армянской угрозы (Cic., Fam., XV, 3, 1). В одном из писем Цицерон утверждает: «...я проделал путь к лагерю...и разместился, чтобы Артавазд,

армянский царь, в каком бы душевном состоянии не был, знал, что недалеко от его границ находится войско римского народа...» (...iter feci castraque, ...locavi, ut Art<a>vasdes, rex Armenius, quocumque animo esset, sciret non procul a suis finibus exercitum populi Romani esset...) (Cic., Fam., XV, 2, 2). Тем самым Цицерон, на наш взгляд, подчеркивает, что информация об агрессивности армянского царя нуждается в проверке.

Уже осенью 51 г. до н. э. Цицерон не опасался армянского вторжения, так как перебросил войска в Киликию (Cic., Fam., III, 8, 10). Ошибочность слухов об агрессивных намерениях Артавазда II можно подтвердить тем, что Цицерон не ссылается на царя Дейотара — надежнейший источник информации о действиях армянского царя. Единственный случай, когда Цицерон, обращаясь к сообщению Дейотара, упоминает Артавазда II, касается не армянского, а парфянского вторжения (Cic. Att., V, 21, 2). Вероятно, известие о недружественных действиях Артавазда II могли появиться у Цицерона от Антиоха Коммагенского, который сам занимал двойственную позицию и преувеличивал парфянскую угрозу, пытаясь оправдать свои собственные поступки (Cic., Fam., XV, 1). Цицерон вынужден был проверить слухи об агрессивных намерениях армянского царя, но, убедившись в их недостоверности, отказался от защиты Каппадокии.

Анализ писем Цицерона позволяет прийти к следующему выводу. Ни брак дочери армянского царя с парфянским царевичем, ни договор Армении с Парфией не считались основанием для того, чтобы рассматривать Артавазда как безусловного противника Рима. Верный союзник римлян Дейотар нашел возможным просватать своего сына за дочь армянского царя (Cic. Att., V, 21, 2) и не опасался негативной реакции римлян [11, р. 36]. Цицерон, описывая ситуацию в Каппадокии, утверждал, что это государство окружено дружественными Риму царствами, которые, в то же время, опасаются быть врагами парфян (Cic., Fam., XV, 4, 4). Так как Каппадокия из значительных государств граничила только с владениями царя Дейотара, Коммагеной и Великой Арменией, то это высказывание можно с уверенностью отнести и к царству Артавазда II (Caes., Bell. Alex., 67). Следовательно, несмотря на союз с Парфией, Артавазд нашел возможность избежать прямого конфликта с римлянами и окончательного разрыва дружественных отношений.

Вспыхнувшая в Риме гражданская война между сторонниками Цезаря и Помпея впервые позволила азиатским государствам вмешаться во внутренние дела римлян. Не только союзные, но и некогда враждебные республике царства направили свои войска в армию Помпея (Eutr., VI, 20, 4; App. Bell. Civ., 2, 49). Интересен тот факт, что парфяне отказались поддержать Помпея и арестовали римского посла Гирра (Dio Cass., XLI, 11, 55; XLII, 2; Caes. Bell. Civ., 3, 82). Но в списке союзников Помпея в битве при Фарсале, приведенном у Аппиана, присутствуют два армянских контингента с двух берегов Евфрата: «Армяне с этой стороны

Евфрата привел стратег Таксил, с той стороны Евфрата Мегабат, наместник царя Артапата» (Ἀρμενίους δι' ἧγε τοὺς ἐντὸς Εὐφράτου στρατηγὸς Τοξίλης καὶ Ἀρμενίους τοὺς ὑπὲρ Εὐφράτην Μεγαβάτης, ὑπαρχὸς Ἀρταπάτου βασιλέως) (App. Bell. Civ., 2, 71).

Армяне с «этой» (ἐντὸς) стороны Евфрата могли быть жителями Малой Армении, которая не подчинялась Артавазду II [11, р. 41]. Но Мегабат (Μεγαβάτης), наместник царя Артапата, был, по нашему мнению, подданным армянского царя. Имя Артапат (Ἀρταπάτης) у Аппиана, скорее всего, искаженное имя царя Великой Армении [14, р. 299, п. 3]. Другим правителем, носившим сходное по звучанию имя, мог быть царь Мидии—Атропатены. Определенное сходство имя царя, упомянутое Аппианом, имеет с именем основателя этого государства Атропата (Ἀτροπάτης). Но для данного периода не зафиксированы правители этой страны не только с именем Артапат, но и Атропат, что было бы более логично [15, с. 36–37]. Также необъяснимо, каким образом у мидийского полководца могли оказаться в подчинении только армяне.

Еще одним свидетельством в пользу предположения об участии армянских войск в римской гражданской войне на стороне Помпея можно считать замечание Цицерона в письме от 49 г. до н. э.: «Мне... полчища гетов и армян, и колхов привести к нему [Риму]?» (me... Getarum et Armeniorum et Colchorum copias ad eam adducere?) (Cic. Att. 9, 10.3). Вероятно, Цицерон, оправдывая свою пассивность в период гражданской войны нежеланием вести против римлян иноземные армии, упомянул именно те народы, которые могли входить в состав войск Помпея.

Участие войск Артавазда II в битве при Фарсале в тот период, когда парфяне отказались помогать Помпею, может служить еще одним подтверждением достаточной самостоятельности армянского царя в своих действиях и его стремления сохранить дружественные контакты с римлянами.

Остался вне внимания исследователей римско-армянских отношений и интересный эпизод времени правления Юлия Цезаря. Источники не сообщают о том, что армянский вопрос поднимался во время кратковременного присутствия Цезаря на Востоке, несмотря на активные военные действия в Малой Азии. Нам ничего не известно о попытках Фарнака II привлечь к союзу Артавазда II или об участии армянских войск в операциях римлян и их союзников. Умалчивают источники и о присутствии армянских войск в армии парфян, которая прибыла в Сирию на помощь восставшему против Цезаря Цецилию Бассу [1, с. 78, 83]. Однако в письмах Марка Туллия Цицерона имеется упоминание о решении сената в пользу Армении от 46 г. до н. э.: «постановление сената в Армению и Сирию было доставлено» (senatus consultum in Armeniam et Syriam esse perlatum) (Cic. Fam., 9, 15, 4).

В античное время существовало три армянских государства: Великая Армения, Малая Армения и Софена. Но Армения, упомянутая Ци-

цероном, могла быть, по нашему мнению, только Великой Арменией. Софена входила в состав царства Артавазда II [14, р. 224, п. 102] или же была передана Ариобарзану Каппадокийскому, если принять достаточно спорное утверждение Аппиана (App. Mithr., 105), с которым соглашались многие историки [2, р. 72, п. 3; 16, р. 140]. Кроме того, Софена, вопреки мнению некоторых исследователей [17, р. 157], практически никогда не называлась Арменией в источниках (Strabo XI, 14, 15; App. Mithr., 105). Малая Армения утратила самостоятельность еще в конце II века до н. э. и в 46 г. до н. э. принадлежала каппадокийскому царю Ариобарзану [18, с. 398] или была разделена между владениями Ариобарзана и Дейотара (Caes., Bell. Alex., 66; Cic., Phil., 2, 94). Следовательно, сенат, принимая решение в отношении царя Армении, мог подразумевать только Артавазда II.

Можно согласиться с высказанным предположением о попытке Цезаря привлечь на свою сторону армянского царя перед началом похода против парфян [19, S. 56]. Действия Цезаря представляются достаточно логичными, так как поход против Парфии планировался именно через территорию Армении (Suet. Caes., 44). Важно и то, что римляне предполагали возможность возобновления союзных отношений с Артаваздом II и не рассматривали Армению как враждебное государство [20, с. 234; 19, S. 56, amn. 196].

По нашему мнению, Цицерон упоминает не только о попытках Цезаря усилить римское влияние в Армении. В этом же письме, написанном с явно саркастической интонацией, утверждается, что в ответ на решение сената цари прислали письма, «в которых меня благодарят за то, что я в высказанном мною мнении их царями провозгласил, хотя я не только то, что они провозглашены царями, но и что они вообще родились, не знал» (quibus mihi gratias agant quod se mea sententia reges appellaverim, quos ego non modo reges appellatos sed omnino atos nesciebam) (Cic. Fam., 9, 15, 4). Следовательно, мы имеем полное право предположить, что сенатским решением некоторые монархи [21, р. 25], в том числе и Артавазд II, были признаны царями в Риме. Учитывая внешнеполитическую практику римлян [22, с. 325], можно утверждать, что речь идет не столько о признании, сколько о восстановлении «дружественного союза» [21, р. 25], разорванного после поражения Красса. Вероятно, активизация римско-армянских отношений была связана именно с восстанием Цецилия Басса в Сирии и предполагаемой парфянской помощью мятежнику. В этих условиях римляне нуждались в дружественной позиции Армении, а Артавазд II мог использовать сложившуюся ситуацию для урегулирования отношений с Римом.

Предполагаемое восстановление римско-армянского союза может объяснить стремление Цезаря наступать против Парфии именно через Армению (Suet. Caes., 44, 3). В противном случае речь должна была идти не о парфянском походе, а о походе против Парфии и Армении. Таким

образом, вплоть до 44 г. до н. э. римско-армянские отношения нельзя называть враждебными. Дружественные контакты были, вероятно, восстановлены, и изменение ситуации зависело уже от стремительно меняющейся обстановки в Риме.

Очередная гражданская война в Риме, начавшаяся после смерти Цезаря, привела к более широкому вмешательству азиатских монархов в события в восточных провинциях Рима. Парфяне решили активизировать свои действия и пришли на помощь сторонникам Республики. Наиболее спорным является вопрос об участии армянских отрядов в походе Квинта Лабиена и царевича Пакора в Сирию и Палестину в 40 г. до н. э. Античные источники не сообщают об армянских войсках во время парфянских походов 41–40 гг. до н. э. (Dio Cass., XLVIII, 24–26; Jos. Flav. Ant., XIV, 13, 3–9; Bell. Jud., I, 13, 1–8; Vell. Pat., II, 78; Plut. Ant., 28; Liv. Epit., 126; Strabo, XIV, 2, 24; Just., XLII, 4, 8–10; Flor., II, 19).

На основании косвенных сообщений армянских раннесредневековых источников некоторые исследователи делают вывод о присутствии отрядов из Армении в составе армии Пакора [2, с. 84; 4, с. 54–60; 5, с. 393, прим. 11; 6, с. 52]. В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци действительно утверждается, что во время похода армий Тиграна II в Сирию и Палестину был пленен иудейский первосвященник Гиркан II (Moses. Chor., II, 19; 24). Но это противоречит сообщению Иосифа Флавия, который приписывал захват Гиркана парфянам и относил эти события к 40 г. до н. э., то есть через 15 лет после смерти Тиграна II (Jos. Flav. Ant., XIV, 13, 3–10; Bell. Jud., I, 13, 1–8). Так как доказано, что Мовсес Хоренаци был знаком с трудами Иосифа Флавия, то можно предположить, что он искажил истинный смысл событий, и его сообщение нельзя считать достоверным [23, с. 65].

Однако и в труде Фавста Бузанда, другого армянского историка V в., говорится о захвате Гиркана Тиграном II (Faust, IV, 55). На этом основании Я. А. Манандян предположил, что армяне действительно захватили пленных в Иудее, но во время похода Пакора в 40-м г. до н. э., то есть при Артавазде II [3, с. 84]. К этому предположению присоединились некоторые исследователи, но в большинстве работ эта гипотеза не рассматривалась [4, с. 54–60; 5, с. 393, прим. 11; 6, с. 52]. Необходимо заметить, что участие войск Артавазда II в походе Пакора не может быть с полной уверенностью ни подтверждено, ни опровергнуто на основании имеющихся источников [7, с. 118, прим. 55]. Для нас важен другой аспект этой проблемы. Даже если Артавазд II участвовал в походе, это прошло незамеченным для римлян и не могло привести к осложнению отношений между двумя государствами. Вполне вероятно, что армяне не участвовали в последующих операциях парфян в Сирии, в ходе которых погиб Пакор.

Как парфянский союзник Артавазд II должен был поддерживать парфян в их конфронтации с Римом. Но проведенный анализ событий кон-

ца 50–40-х гг. до н. э. не позволяет согласиться с утверждением о тесном союзе Армении и Парфии и о полном разрыве с римлянами [24, с. 85]. Артавазд II не мог выступить открыто против превосходящих его парфян, но и не стремился к обострению отношений с Римом. Невозможно отрицать, что в указанный период Армения оказалась более тесно связана с Парфией, но масштабы этих связей нельзя преувеличивать. Рост числа монет Орода II, в первую очередь медных, не может быть подтверждением более тесных отношений с парфянами [24, с. 85], так как монеты Фраата IV представлены в Закавказье значительно слабее, а с ним отношения у армян были более стабильными [25, с. 75].

Сохранялись между Арменией и Парфией и политические противоречия, нашедшие свое отражение в вопросе о титуле «царь царей». Кроме того, земли, на которые могли претендовать армяне, удерживались парфянами или их союзниками. Неясно, какие земли мог получить Артавазд II от Орода II, как это утверждалось А. Г. Бокщаниным [1, с. 60]. Мидия–Атропатена и Месопотамия оставались в руках парфян во время похода Антония (Dio Cass., XLIX, 24, 1). Неизвестна даже судьба «семидесяти долин», которые были предметом спора между Тиграном II и Митридатом II и могли находиться в составе Мидии–Атропатены [15, с. 81].

По нашему мнению, Артавазд II смог избежать открытого конфликта с римлянами, которые в конце 50-х гг. до н. э. не без оснований подозревали армянского царя в антиримских настроениях [2, р. 72]. Но впоследствии армянская угроза, очевидно, не рассматривалась в Риме как реально существующая. Позиция армянского царя в период разрыва отношений с Римом действительно может быть охарактеризована как нейтралитет [26, с. 48; 27, с. 138]. Отказавшись от противостояния с римлянами, Артавазд II сохранил возможность восстановления с ними союза, что и произошло в 40-е гг. до н. э.

Изменение ситуации на Востоке к концу 50-х гг. до н. э. уже не позволяло армянам надеяться на равное сотрудничество ни с Римом, ни с Парфией. Но признание римской гегемонии, не отягощенной выплатой дани, должно было быть для них более приемлемым [21, р. 65–66], чем власть Парфии. Кроме того, Артавазд II должен был поддерживать отношения с Римом по тем же причинам, что и Тигран II. Парфия представляла реальную угрозу для Армении, в то время как римляне после окончания войны с Тиграном II на армянские земли не претендовали. Союз с Римом позволил бы армянскому царю увеличить свои владения в Месопотамии, как показали события 60-х гг. до н. э. Союз же с Парфией не только не мог привести к возврату Армении сирийских владений, но и лишил Артавазда II надежды на присоединение территорий в Северной Месопотамии и Мидии–Атропатене.

Артавазд II, следуя традиционной для армянских царей политике, не позволил Парфии столкнуть Великую Армению с Римом. Временный

разрыв римско-армянского союза после поражения войск Марка Лициния Красса не привел к окончательному прекращению отношений между двумя государствами. Армянский царь смог избежать участия в парфянских вторжениях в римские владения в Азии, продемонстрировав заинтересованность в сохранении добрососедских контактов с Римом. В дальнейшем римляне сочли возможным восстановить дружественные отношения с Арменией, которая вновь становится одним из важнейших союзников Рима во время похода Марка Антония против Парфии.

Литература

1. Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. 2. — М.: Изд-во МГУ, 1966.
2. Chaumont M.-L. L'Arménie entre Rome et L'Iran//Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. T. II, Bd. 9, Hb. 1. — Berlin, 1979.
3. Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в до н. э.—XV в. н. э.). — Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1954.
4. Саркисян Г. Х. Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. — М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
5. История древнего мира/Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Т. 2. — М.: Наука, 1989.
6. История армянского народа: С древнейших времен до наших дней. — Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1980.
7. Головки І. Д. Боротьба між Римом і Парфією в період від першого до другого тріумвірату//МАПІІ. — 1960. — Вип. 3. — С. 113–125.
8. Debevoise N. C. A Political History of Parthia. — Chicago, 1938.
9. Утченко С. Л. Цицерон и его время. — М.: Мысль, 1973.
10. Абрамзон М. Г. Рим и Киликия во II в. до н. э. 74 г. н. э.: завоевание и романизация//Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. — Казань: Мастер-Лайн, 2000. — С. 305–306.
11. Mitchel S. The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule//Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor. V. 1. — Oxford, 1993.
12. Тер-Исраэлян С. Г. Место армянской конницы в военном плане римского командования в связи с началом парфянского похода М. Антония//Сб. науч. трудов Армян. гос. пед. ин-та. Серия история. — 1966. — № 1. — С. 105–151.
13. Kromayer J. Der Partherzug des Antonius//Hermes. — 1891. — Bd. 31. — S. 71–103.
14. Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy in the East: 168 B.C. to A. D. 1. — L., 1984.
15. Алиев И. Очерк истории Атропатены. — Баку: Гос. изд-во, 1989.
16. Murphy J. Pompey's Eastern Acta//The Ancient History Bulletin. — 1993. — №. 7, 4. — P. 136–142.
17. Patterson Lee E. Rome's Relationship with Artaxias I of Armenia //The Ancient History Bulletin. — 2001. — №. 15, 4. — P. 154–162.

18. Моммзен Т. История Рима. Т. 3. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
19. Malitz J. Caesars Partherkrieg//Historia. — 1984. — № 33. — S. 21–59.
20. Егоров А. Б. Цезарь, Август и римский сенат//Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. — Санкт-Петербург, 2002. — С. 125–136.
21. Braund D. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. — L., 1984.
22. Смыков Е. В. Рим и Парфия: первые контакты (к вопросу о договорах Суллы и Лукулла)//Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. — Казань: Мастер Лайн, 2000. — С. 317–322.
23. Халатьянц Г. А. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского. Ч. 1. — М., 1903.
24. Акоюн А. М. Клад медных парфянских монет из Апарана//ВДИ. — 1982. — № 2. — С. 84–89.
25. Голенко К. В., Раджабали А. Б. Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье//ВДИ. — 1975. — № 2. — С. 71–93.
26. Хачикян А. Э. Восточная политика Рима в период становления принципата (Август–Клавдий) и Армения. — Дисс. ... канд. ист. наук. — Ереван, 1988.
27. Головки І. Д. Рим и Парфия во время второго триумvirата//ЗОО. — 1960. — Т. 1. — С. 137–153.

Резюме

Литовченко С. Д. Рим та Велика Вірменія наприкінці 50–40-х рр. I ст. до н. е.

Стаття присвячена відношенням між Великою Вірменією та Римом наприкінці 50–40-х рр. I ст. до н. е. Після поразки римських військ у битві при Каррах вірменський цар Артавазд II був змушений підкоритися парфянам. Більшість вчених вважали, що Артавазд II брав активну участь у антиримських діях Парфії. Однак, як показав аналіз джерел, цар Великої Вірменії відмовився від підтримки парфянських вторгнень до римських володінь в Азії в кінці 50–40-х рр. I ст. до н. е. Римляни вже з 50-го р. I ст. до н. е. не вважали Вірменське царство ворогуючою державою. У 40-х рр. Артавазд II зміг відновити дружні відносини з Римом, що підтверджує гіпотезу про проримську орієнтацію вірменського царя.

Summary

Litovchenko S. D. Rome and Great Armenia at the end of 50s–40s BC.

The article is devoted to relations between Great Armenia and Rome at the end of 50s–40s BC. After the defeat of the Roman armies in the fight at Carrhae the Armenian king Artavasdes II was compelled to obey Parthian. Most scholars believe Artavasdes II took an active part in anti-Rome actions of Parthia. However, contrary to the opinion of many researchers, the king

of Great Armenia refused from participation in Parthian invasion into the Roman territory in Asia at the end of 50s–40s BC. As the analysis of sources has shown, Romans did not consider Armenia as enemy state from 50 BC. In the 40s BC Artavasdes II managed to restore friendly terms with Rome that confirms the hypothesis about a pro-Roman orientation of the Armenian king.

М. В. Любичев

«СКИФСКИЕ ВОЙНЫ» III в. И ПОЯВЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЕЕ ДНЕПРА

*Светлой памяти
Натальи Владимировны Кишиченко (Черниговой),
так рано ушедшей от нас...*

Одной из тенденций черняховедения последних десяти-пятнадцати лет следует считать увязывание исследователями данных письменных источников и конкретного археологического материала при построении схемы развития черняховской культуры позднеимперского времени восточноевропейского БАРБАРИКУМА. Данный опыт видится плодотворным [1; 2, с. 133–149; 3]. И оставим здесь в стороне спор о соответствии археологической культуры этносу, степени достоверности археологических источников при построении картин исторического развития древних обществ. Специалисты отдают себе отчет в том, что «...явления в области материальной культуры, устанавливаемые археологами, не всегда адекватно и полностью отражают демографические, социальные и этнические процессы» [1, с. 68].

В данной статье пойдет речь о влиянии некоторых событий политической истории Восточной Европы III в. на появление элементов черняховской культуры восточнее Днестра, выяснении вопроса: о появлении чего же идет речь — «черняховской культуры» или ее элементов. Вопрос о появлении и распространении данной культуры на восток от Днестра тесным образом связан с вопросом о хронологии этого явления. Также он вновь требует обращения к сущности понятия «черняховская культура». Классические черняховские древности («тип Косанов» по Б. В. Магомедову) связываются с готами и отличаются наличием на поселениях каркасных и углубленных жилищ, биритуальных могильников с ингумациями в простых ямах с северной ориентировкой [4, с. 20]. А. М. Обломский считает, что черняховские памятники характеризует наличие биритуальных могильников, гончарной керамики, украшений «фасеточного» стиля.

К черняховским можно относить те поселения, где преобладает специфическая гончарная керамика, они находятся на черноземах (определенный спектр ландшафтов) [5, с. 23, 25].

Появление черняховских элементов восточнее Днестра и на днепродонецком водоразделе мы связываем с событиями «скифских войн» 30–70-х годов III в., последовавших после прихода готы-гепидов на Воынь, в Верхнее Поднестровье и Молдову в к. II–нач. III вв. В третьей четв. I–посл. четв. II вв. на Воыни существовали памятники зубрицкого типа [6, с. 66]. В конце II в. сюда с северо-запада приходят готы-гепиды — носители вельбарской культуры. Под их натиском жители зубрицких поселений отходят к Верхнему Поднестровью, где зубрицкая группа существует до середины III в. [6, с. 67] (рис. 2). Сами зубрицкие памятники с усилением провинциально-римских влияний постепенно трансформируются в памятники черняховского типа [7, с. 62–65]. Следовательно, на зубрицкой основе с приходом вельбарцев при усилении провинциально-римских влияний и формировании черняховской культуры в ареале последней возникает специфическая группа памятников типа Черепин—Теремцы (рис. 2). Они отличаются от «классической» черняховской культуры господством исключительно землянок с очагами и печами, не установленным погребальным обрядом, большим процентом (34–60 %) лепной посуды в керамическом комплексе [4, с. 22–23]. Этот регион М. Б. Щукин относит к маргинальной зоне Верхнего Днестра—Западного Буга (Рипневская группа) [1, с. 70]. Памятники типа Черепин—Теремцы существуют именно внутри ареала черняховской культуры, а не в пограничье, образуют своеобразную культурную провинцию. Они не теряют своей культурной специфики в условиях поступления провинциально-римских импортов вплоть до распада черняховской культуры. На поселении Черепин жизнь продолжалась в III–V вв., в Демьянове — в III–IV вв., в Бовшеве — в III–нач. V вв. [8, с. 137–138], в Рипневе-2 — в III–перв. пол. V вв. [8, с. 140–145], на Соколе — в III–перв. пол. V вв. [9, с. 29].

Готы-гепиды привлекли к сухопутным и морским походам на римские, балканские и малоазийские провинции целую коалицию племен Подунавья, Прикарпатья и прилегающих территорий (рис. 1). Источники упоминают готов, гелуров, герулов, певкинов, грейтунгов, австроготов, тервингов, визигов, гепидов [10, с. 35–37]. Нельзя исключить, что готы-гепиды пытались привлечь к участию в этих войнах и венедов — носителей памятников типа Черепин—Теремцы. Особенно крупные военные акции коалиции племен последовали в 238, 245, 248, 249–250, 251 годах. В 256–266 годах следуют морские походы. Усиление военной активности готской коалиции наблюдается в 267–270 годах [11, с. 18–139]. Очевидно, что часть венедов, не желая оставаться под готским господством и участвовать в походах, ушла из Поднестровья. Одна группа двинулась к родственному населению на днепродонецкий водораздел, а другая — ближе к римской границе в междуречье Днестра и Дуная. Специалисты уже поднимали вопрос о роли готов в откалывании определенных групп славянского населения [12, с. 188]. Если о переселении группы венедов на